

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Артикль

№1 (33)

Коллектив авторов

Артикль. №1 (33)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22616450

ISBN 9785448365249

Аннотация

Израильский журнал «Артикль» – неординарное явление в современной литературе. Это издание собрало под одной обложкой лучшие литературные силы не только той страны, в которой оно создаётся, но и всего русскоязычного мира. С этого номера «Артикль» впервые выходит к читателям одновременно в электронном и бумажном издании.

Содержание

ПРОЗА	5
Дина Рубина	6
ТУМАН	6
1	6
2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Артикуль

№1 (33)

Редактор Яков Шехтер

Редактор Михаил Юдсон

ISBN 978-5-4483-6524-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЗА

Дина Рубина

ТУМАН

1

Нежно застрекотал будильник: первая, обреченная на провал, попытка воскрешения Лазаря.

Сейчас стрекот перейдет в перетаптывание трех звоночков – такое *до-ми-соль* в ближний к тумбочке висок... Но и это еще не пытка. После инквизиторского арпеджио грянет подлый канкан, а вот до этого доводить уже не...

– Арка!.. Я улетела через три минуты!

Он выпростал из-под одеяла руку и на ощупь раздавил ненавистную кнопку.

– Ты когда это вчера явился? – спросила Надежда, навешивая перед зеркалом на свитер несколько рядов бедуинских бус. Она любила крупные броские восточные украшения, от которых его воротило. Иногда он говорил ей: «Ну что ты бренчишь монистами, как пятая жена хромого бедуина?»

Странно, что он еще не стал мизантропом с этой проклятой жизнью...

– Часа в четыре...

– Опять что-нибудь *веселенькое*?

Она остановилась в одном сапоге у двери. Второй в руках. Все еще лежа, Аркадий через дверь спальни разглядывал жену. Наконец, рывком откинул одеяло и спустил ноги. Здравствуй новый день, как бы тебя прожить.

– Да, самоубийство. Девушка покончила с собой, и очень странно это проделала... Ну, ты только не трепись там в своей аптеке. Ничего еще неизвестно...

– Это кто... где?

Кажется, Надежда забыла, что собиралась «улетать» три минуты назад.

Аркадий молчал: ожесточенно скалясь, чистил в ванной зубы, и она дожидалась, когда он сплюнет.

– Ты, может, помнишь, – такой пожилой полицейский, Валид... мы с ним столкнулись в Акко, в порту, после пикника на прошлый Юлькин день рождения.

– Не помню, – сказала она. – А что?

– Вот его дочь. Старшая, незамужняя... Девушка-то она относительная, ей лет тридцать пять было... Есть еще младшая, теперь сможет выйти замуж. У них же младшая раньше старшей выскочить ни-ни...

– Ну, и что? – спросила Надежда, заранее раздражаясь. – Ты-то чего переживаешь? Прикончили они ее, что ли?

Он посмотрел в окно и ахнул: стена тумана – буквально, словно кто в двадцати сантиметрах от дома выставил глухой серый щит. Круглый фонарь у балкона укутан в вату и похож

на яблоко «белый налив».

— Это как же я сегодня поеду? — спросил сам себя Аркадий. — А? Что ты сказала? Прикончили? Похоже на то...

— О-ос-с-пади! — воскликнула Надежда в проеме уже отворенной двери. — И стоит, качаясь, тонкая рябина! Ты ж сам говорил, что таких дел тьма-тьмушая — они своих баб, как мух, давят, режут и жгут! Ну и что теперь?

— Ладно, топай, опоздаешь... — буркнул он.

Надежда любила пройтись по его «нежной психике», с которой музыку вундеркиндам преподавать, а не с обгорелыми трупами возиться.

— Постой... — Она даже порог переступила обратно, в квартиру. — А ты разве имеешь право его допрашивать? Ты же говорил — дела, связанные с полицейскими, передают в Министерство юстиции?

— Надь! — крикнул он весело, натягивая свитер. — Бросай клизмы продавать, идем ко мне в следственную группу! Ты так законы знаешь, даже завидно.

Она хлопнула дверью.

Все, надо уже ехать к ежедневному селекторному совещанию, тем более, что пробираться в зимнем тумане придется на ощупь. Но он все медлил... еще пять блаженных минут... Чашка кофе на своей кухне...

Надька-то молодец, вечная отличница, железная память. Да, скорее всего, дело передадут в Минюст. Но на этапе пред-

варительного следствия попотеть придется именно ему, то есть его группе, отнюдь не великой. Цфат – город маленький: он сам да два сержанта-следователя – вот и вся могучая интеллектуальная наличность.

На столе лежала книга, которую уже дней пять с увлечением мусолила дочь – «Ведьмы и колдуны». Завлекательное название.

Допивая кофе, он брезгливо пододвинул к себе этот шедевр с бородатым старцем шамановатого вида на глянцевой обложке. Открыл оглавление: да-да... «Черная месса»... «Пламя сатанизма»... «Охота на ведьм»... – очень, очень хорошо! Выпороть безжалостно, вот что надо сделать с этой четырнадцатилетней ведьмой, у которой, если не ошибаюсь, там какой-то должок по математике.

Он пролистнул наугад две-три страницы: все ясно, обычный мусоросборник, куда валом накиданы статейки из какой-нибудь смоленской газетки «Русич» вперемешку со статьями из научных журналов. Так-так... «Охота на ведьм в западноевропейских странах». Господи, зачем это ребенку? Что она в этом находит? «...В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали это место с сосновым лесом. В течение 1590—1600 гг. были дни, когда сжигали по 10—12 ведьм в день. Магистрат города Нейссе соорудил особую печь, в которой в течение 9 лет были сожжены более тысячи ведьм: среди них и дети в возрасте от 2 до 4 лет... В свободном имперском

городе Линдгейме 1631—1661 годы замечательны особенно жестокими преследованиями. Подозреваемых женщин бросали в ямы, „башни ведьм“, и пытали до тех пор, пока...»

Захлопнул книгу. Поднялся, стал натягивать и шнуровать ботинки...

И пока надевал форменную куртку, выходил из подъезда в сырую вату зимнего утра, включал «дворники», разогревал мотор... перед глазами всплывали картинки вчерашней ночи, словно выныривая из кисельного тумана.

Просторный, пустоватый и чисто прибранный дом Валида – фотографии старцев в золоченых багетных рамах на стенах... Посреди большой парадной комнаты на первом этаже – печь-буржуйка с целым набором медных джезв; самая малая, с потеками сбежавшего кофе, еще остывает.

Валид с сыном сидели в разных углах дивана, безучастные к появлению в доме все новых лиц, грозно-замкнутые, как и полагается: *мужчины в горе*.

Умершая лежала в комнате на втором этаже, в своей кровати, укрытая одеялом под подбородок. Высокий ворот зеленого свитера придавал мертвому лицу землистую желтизну.

Заплаканная младшая сестра, в длинной галабие и белом платке, запахнувшим нижнюю часть лица, сидела, сгорбившись в кресле, искоса послеживая за странными челночными передвижениями следователя по комнате.

– Значит, вчера еще была здорова? – в третий раз уточнил

Аркадий.

Та опять дежурно взывала. Он переждал, терпеливо и со-
страдательно глядя на девушку. Из-за этого платка, стерше-
го губы и подбородок, ее большие красивые глаза чем-то на-
поминали часы-ходики в подмосковном доме бабы Кати, под
которыми он проспал все летнее детство.

Жива-здоровая, жива-здоровая, горячо подтвердила она.
Только печальна... Все говорила, что ей жить надоело, и про-
сила последить за нею, а то чувствует, что может покончить
с собой.

Аркадий совершил по комнате бог знает какой по счету
круг, опять остановился напротив девушки.

– Что ж ты не следила? – спросил он участливо.

– Я следила-следила, а потом заснула... – ответила та. –
Просыпаюсь утром – а она мертвая.

Ага, вот почему эти глаза напоминают ходики: девушка
все время держит в поле зрения Варду, которая сейчас рас-
теклась телесами в соседнем кресле и, кажется, не прочь
вздремнуть. Господи, дождется ли он ее ухода на пенсию
в будущем году, чтобы вытребовать себе какого-нибудь
шустрого парнишку и гонять его в хвост и в гриву, а не мо-
таться везде самому! В последние годы он жалел предпен-
сионную Варду и не дергал ее попусту. Что уж говорить,
старушка накатала уважительную биографию; тридцать лет
на одном месте. Кстати, у нее неплохая интуиция и порази-
тельная бабская память на тряпки – может без запинки ска-

зять, во что ты был одет, когда в прошлом году случайно столкнулся с ней в супермаркете. Однажды это сыграло-таки свою роль в расследовании безнадежного дела, и Варда заботилась, чтобы никто и никогда этого не забыл. Таким образом, толстуха стала живой легендой еще до ухода на пенсию. Напрочь отсутствуют у нее только мозги. Однако сейчас она необходима, хоть и дремлющая: Валид с сыном – даже и растерянные, даже и парализованные неожиданным для них столпотворением в доме – ни за что не допустили бы уединения его, мужчины, с девушкой.

Он еще потоптался в комнате, дожидаясь вызванной им мобильной криминалистической лаборатории. Несколько раз останавливался и смотрел на изможденное каким-то тягучим страданием желтое лицо покойной... Казалось, нечеловеческая мука прочно угнездилась в этом теле, уже покинутом душой, и продолжает раздирать добычу.

Отвернулся и вышел на галерею, опоясывающую весь второй этаж.

Деревня погружалась в сон...

Лезвие новенького месяца на поверхности небесной глубины и крошечная неподалеку от него звезда казались фрагментами чьего-то лица, частью закрытого, – скажем, бровь и родинка на щеке. Сюда несло запахом навоза и дыма, во дворе отрывисто лаял пес, и где-то выше на горе постреливали с крыш: видать, кто-то что-то праздновал – *они* никогда не упускают возможности показать, что в доме есть ору-

жие.

Аркадий достал из пачки сигарету, закурил.

В комнате за его спиной уже работал приехавший с лабораторией Рон Деген; на галерею невнятно доносился его спокойный голос – Рон беседовал с Вардой. У этих патологоанатомов, подумал Аркадий, всегда такое ровное настроение и такие уютные голоса, будто не жмуриков они потрошат, а орхидеи выращивают. Особенно Рон – никогда не повысит тона. Однако интересно, что он скажет об этом случае.

Опытный специалист, Рон обычно на глаз определял, надо ли забирать тело на вскрытие. Ибо это всегда означало – скандал.

Ни один из живущих здесь народов, ни одна из многочисленных национальных групп не любили отдавать своих покойников на вскрытие. Нужны были чрезвычайные обстоятельства. Вон ультраортодоксальные евреи – те и вовсе, черт те что вытворяют, чтобы вскрытия избежать: крадут тела родных из морга, из больниц. Само по себе это еще не означает ничего подозрительного.

К тому же, семья была не чужой: и Валид, и его сын Салах служили в полиции...

У сына странные прозрачные глаза – травянисто-зеленые, красивые, но с еле приметной раскосиной; впечатление, будто смотрит сквозь тебя. Да еще под левым глазом дергается желвак, точно он подмигивает кому-то за твоей спиной.

Говорят, умершая сестра вынянчила его с младенчества – мать рано скончалась. Так что эта была ему как мать. То-то линейная патрульная служба, вызванная «скорой», решила не мусолить дело, закрыть глаза – мол, семейная драма, к чему людям в душу лезть? И только въедливый Давид, везде и во всем подозревающий противоестественную смерть, настоял вызвать следователя.

Вот его-то мы и вытребуем себе вместо Варды. А что? Послатъ на курсы переквалификации... Парень с мозгами и принципами... Характер, правда, заядлый. Ничего, ничего... столкнемся.

Теперь предстояло самое неприятное: заставить родственников подписать бланк на разрешение вскрытия.

А может, бог с ним, с этим семейным делом, подумал он... Род приходит и род уходит, и ничего не меняется в этих деревнях с их вековым укладом, сиди здесь наместник Оттоманской империи, британский комиссар или начальник следственной группы полиции Израиля. Покончила девушка с собой, или ей помогли родственники... а не исключено, что и жертва и палачи слились в этом высоком деянии... Можно, конечно, пуститься в опасные дебри под названием «восстановление семейной чести» и, все вокруг разворотив, посчитать себя вершителем справедливости. Но никто из полутора тысяч живущих в деревне мужчин и женщин не посочув-

ствует жертве и не поблагодарит полицию. Наоборот!

Однако интересно – что же натворила эта несчастная...

На галерею вышел Рон, оперся рядом на перила и негромко проговорил:

– А на шее-то у нее – странгуляционная борозда.

Аркадий затянулся последний раз сигаретой, придавил окурок о балясину каменных перил и отщелкнул вниз.

– Будем забирать, – сказал он.

Оглянулся на дверь в комнату, освещенную ярким светом пятирожковой люстры, отсюда, из темноты ночи, похожую на сцену. Там, по-прежнему страдальчески подняв брови над озорными глазками, сидела в кресле младшая дочь Валида.

– Здесь подожди, – сказал Аркадий, проходя мимо Варды, – я сам попытаюсь, по-хорошему... Они оба с пушками.

Всю неделю влажная муть носилась над горами Галилеи, ошметками облаков цепляясь за щетину хвойных лесов. Затем три дня подряд выпали ясными, земля запарила, задышала... С высоты Цфата озеро Кинерет, море Галилейское, казалось выпуклой продолговатой линзой. С такой точки обзора становилось совершенно очевидным, что земля кругла.

По склонам глубоких лощин кое-где стелился бело-розовый дымок, будто кто-то печет картошку; это просто зацвел миндаль.

Но к началу новой недели хлынули дожди и опять забыли за собой прибрать: все висели и висели в воздухе дырявые пары... Не рассеивались.

В понедельник пришли результаты вскрытия из института судебной экспертизы, в просторечии именуемом «Абу-Кабир», поскольку находился он рядом со знаменитым следственным изолятором того же названия.

Аркадий смотрел на голый колючий куст бугенвиллии за стеклом. Летом пышный и рдяный – мельком глянешь в окно, и такой глазу праздник! – сейчас он сиротливо дрожал на ветру, протыкая длинными колючками туманную вату.

Томительные зависания пауз, робкие всхлипы, одинокие потерянные созвучия: Дебюсси, этюды – вот что такое этот долгий туман. Этюды Дебюсси, которые так любил покойный Станислав Борисыч...

Он опустил глаза к стандартным бланкам, перечитал. Пробежал по столу быстрыми пальцами...

Он скучал по инструменту, к которому жизнь проклятая не подпускала ни на минуту, и часто проигрывал какой-нибудь пассаж на любой, что под руку попадалась, поверхности. Этюд Дебюсси он играл на панихиде по любимому профессору, в большом зале консерватории, где обычно выстав-

ляли гроб для прощания...

Почему, почему именно в периоды зимнего тумана особенно часто вспоминался Станислав Борисыч?

Он почесал ручкой за ухом...

Согласно результатам экспертизы, господа мои хорошие, девушка (он мысленно называл ее «старой девушкой») вовсе не была накануне «жива-здорова-жива-здорова»... а умира-ла четверо суток – страшно и мучительно. Это ж любо-доро-го, что понаписали тут наши друзья из «Абу-Кабира»: и паралич дыхатель-

ной системы, и сожженный пищевод – увлекательная повесть, черт бы вас всех драл. Главное, смерть от инфаркта – видимо, не вынесла страданий.

Он вспомнил конвульсивный желвак под глазом у Салаха, окаменелые скулы отца, заплаканное, но омытое ожиданием лицо младшей, смазливой сестренки.

Старшая-то была нехороша – черты угловатые, нос дли-нен. Впрочем, при жизни, наверное, все это как-то смягча-лось женским обаянием.

Н-да... экспертиза ядов здесь вообще вопрос вопросов. Специалистов раз, два и... действительно, раз и два: один русский, другой аргентинец – два веселых гуся. Работа адо-ва, каждый следователь умоляет ускорить результаты. Да и результаты, мягко говоря, неоднозначны.

В нашем случае: за четверо суток яд в организме успел рассосаться. Поди докажи – чем ее отравили... Теперь надо

исхитриться, извернуться в тесном бюджете, выкроить средства и послать *ткани* на экспертизу в Лондон, в FFS – удовольствие не из дешевых, что уж говорить – все-таки частная коммерческая фирма, эта замечательная лаборатория...

К полудню серая мгла не то чтоб поредела, но как-то двинулась, зашевелилась... потекла киселем.

Из окна щитового домика, где размещалось полицейское управление, открылся склон ближней горы с ржавыми рядами низких, голых по зиме виноградников.

Немного просветлел и повеселел воздух, и в серебристой зыби возникли очертания домов, минарета, башни отеля; мощными гренадерами встали и задышали по краям дороги голубые атлантические ели, которые в детстве он знал «кремлевскими», а встретив в горах Галилеи, ахнул и остался здесь жить. Хотя уже не раз на работе ему предлагали перейти в Центральный округ.

Но он любил старый Цфат, крутую гору, где каменные ступени либо уходят в небо, либо обрываются в никуда; где скворечники пяти-, семи- и девятиэтажных домов словно прибиты к скале чьей-то могучей рукой и – глянешь с дороги снизу – как бы висят в воздухе. Где огромные, кокардами, фонари в сумерках наливаются желтым медом, а решетки балконов, ставни, притолоки и даже каменные заборы горожане красят в голубой и синий, что, как известно, отпугивает от жилья демонов, диббуков и привидений.

Здесь на каждом шагу встречались цветные шероховатые стекла. Их вставляли в окна, двери, решетчатые ограды; взгляд там и тут умилялся всем оттенкам синего, красного, фиолетового, зеленого и желтого. А если поутру проснуться в таком вот старом доме, когда в высоком арочном окне вспыхнет перезвон красного с солнечно-желтым – в тебе всеми духовыми и медными так и грянет неумное счастье: ты проснулся в раю, прозрачном, многоцветном, горнем раю!..

Но до лета еще далеко.

По дороге домой он сделал крюк, чтобы проехать любимой голубой аллеей атлантических елей. Это всегда поднимало ему настроение...

Зима в горах... – была книжка с таким названием, прочитанная в юности. Автор – Уэйн, кажется. Там тоже герой все кого-то ищет, и бродит, бродит в тумане...

Дома уже была Юлька, дочь. Валялась на диване и читала книгу. А ведь восьмой класс, между прочим, довольно сложная программа...

– Ой, папа! – обрадовалась. Отец нечасто заруливал среди дня.

– Я на полчасика, – сказал он. – Доча, сооруди быстренько что-нибудь пожрать!

– Можно борщ погреть... – задумчиво сказала она, пере-

ворачивая книгу брюхом на диван.

– Не корейж книгу, сколько раз и так далее?!

– Пап... поставь сам кастрюлю на огонь, ладно? Мне тут дочитать полстраницы...

Не снимая ботинок, Аркадий зашел в кухню, вытянул, чертыхаясь, из холодильника мерзлую кастрюлю, локтем подхватывая баночки, которые при этом посыпались с полки... Поставил кастрюлю на газ, подумал – а стоит ли на полчаса снимать ботинки? И не снял.

Ели они молча – отец думал о своем, девица дочитывала главу.

Когда она вскочила к телефону, Аркадий повернул к себе обложку: тьфу! – все те же «Ведьмы и колдуны».

Вот тут бы и провести назидательную беседу, но Юлька все трещала с подругой, а уже пора убегать. Так и ушел под хохотливые дочкины рулады. Интересно, как это грассирующее «рейш» в ее иврите мгновенно уступает в русском твердому «эр». И происходят ли какие-то изменения в строении гортани у двуязычных детей?.. Вот бы чем заняться, а не искать следов яда во внутренностях убитой – да, убитой, и он это докажет! – женщины.

Он вышел из подъезда, сел в машину и поехал на работу. Сегодня надо еще переделать кучу дел. Съездить в суд, обсудить с ребятами бюджетные проблемы, провести следственный эксперимент с этим молодым джазистом, «случай-

но» убившим соседа. Написать запрос в криминалистическую лабораторию в Лондон... И не забыть бы: один из двух его следователей, Йони, хотел, чтобы Аркадий сам допросил того психа или косящего под психа владельца фалафельной, который заманивал школьников в заднюю комнату и демонстрировал разные картинки, за которые ему бы оторвать именно то, что он демонстрировал... Главное, на допросах псих тарачил дикие глаза-сливины и, устремясь грудью через стол, таинственным шепотом кричал, что получал эти картинки *приказом, факсом – в спичечный коробок!*

Вдруг он решил проехать через деревню. Глянуть только, что да как, – сказал себе.

Часто и сам не мог он объяснить, зачем совершает те или иные необязательные поступки, которые, к тому же, отнимают время, и без того скукоженное до пяти сигареток в день. Совершал их... не «по наитию» – терпеть не мог это дамское словцо, – а вследствие некоторого музыкального образования. Перед глазами вдруг возникала клавиатура «Бехштейна» в его родной аудитории номер 24, когда, бывало, перед уроком композиции почти вслепую нащупываешь созвучия: там тронул, здесь трепыхнулась триоль в верхнем регистре... тут левая поддержала аккордом... и вдруг рождается нечто вроде мелодии, или – как говорил покойный Станислав Борисыч – свежая музыкальная мысль...

Так вот она, свежая музыкальная мысль: пройтись по де-

ревне, заглянуть в стекляшку-забегаловку неподалеку от дома Валида... Поглазеть вокруг... Заодно и поесть, в самом деле! – этим Надеждиным овощным борщом никогда он не наедался.

– Питу и *лабанэ* побольше, – сказал он парню за прилавком. – И *заатар* не жалеЙ! Давай, давай, сыпани еще!

Тот белозубо улыбнулся, зачерпнул ложкой *лабанэ* – нечто вроде сметаны, чуть более терпкий вкус, – размазал щедро по поверхности большой *лафы* – дружской питы, не полой, а похожей скорее на лаваш, выпекаемой на чугунной, выгнутой шатром печке. Движением сеятеля разбросал по белому полю темно-зеленую, с зернышками сезама, пудру *заатара*, пахучей приправы. Круговым движением кисти выдавил из резинового носика бутылки густую струю зеленого золота – деревенского оливкового масла. И закатал *лафу* в рулон.

Аркадий потянул зубами пружинистую мякоть... Вкусно! За все эти годы он привык к здешней еде, и в последнее время, оказываясь за границей, очень по ней скучал, в ресторанах брюзжал и критиковал изыски французской и итальянской кухонь. Вообще эти полтора десятка лет, проведенные «между земель», среди гор Галилеи, в бесконечных разъездах от одной арабской деревни до другой, дружской или черкесской, не то чтобы изменили, но как-то загустили, заквасили все его существо, как зимой заквашен здешний

воздух створженным туманом.

Сидя у стеклянной стенки, заляпанной снаружи сохлыми брызгами грязи, он наблюдал типичную деревенскую улицу – насколько позволяла ее видеть клочковатая муть, – восходящую в горку, кривую и узкую, где трудно разминуться двум легковушкам. Как раз сейчас две машины тяжело протирались боками, водители сигналили, яростно жестикулируя и ругаясь...

– Это не Валид там, в машине? – лениво спросил Аркадий, кивая на дорогу.

Разумеется, не было никакого Валида в машине. Уже дней пять они с сыном сидели в следственном изоляторе. Аркадий сам допрашивал обоих. Без особого успеха. Оба твердо держались своего: увы, Джамиля покончила с собой. Она вообще склонна была грустить, бедная, такая уж родилась. Вот и покойная мать ее... Одним словом – семейное дело...

Сегодня истекает последний день, когда по закону можно удерживать подследственного за решеткой. Завтра он вынужден отпустить их домой за отсутствием доказательств, то есть признать себя побежденным. Доказательств чего? – спросил он себя, хмыкнув. Что девушку заставили сначала вешаться, а потом напоили сельскохозяйственной – так предполагают ребята из лаборатории – отравой? А если она и вправду сама решила сжить себя со свету подобным неэлегантным способом?

– Нет, – сказал парень, бросив взгляд в белесоватое марево за стеклом, словно там можно было разглядеть что-то определенное. – У Валида, во-первых, серая «субару»...

Что там во-вторых, он не договорил, прикусил язык. Тем более что из кухонного закутка вышел старик в галабие и белом платке, обернутом вокруг головы на женский манер. Справа материя обегала оттопыренное волосатое ухо. Старик держал в руке красный нектарин и маленьким ножиком спускал с него алую ленточку кожуры.

– Валид... – вздохнул он... – Валид...

И так был живописен в темно-синей галабие, в белоснежном платке на голове и плечах, с пышными, перечного цвета усами и с красным светящимся плодом в руке.

Аркадий залюбовался.

– Болен совсем Валид... – наконец проговорил старик. Молодой быстро глянул на него, не повернув головы, только глаза скосив.

– Болен? – Аркадий огорченно и уважительно покачал головой. – А мне кажется, я его видел не так давно.

– Болен-болен... – Старик вырезал из нектарина аккуратный красный сегмент и на острие короткого ножика отправил его в рот. Неторопливо прожевал и принялся вырезать следующий кусок. – Сердце у него больное. В прошлую среду приступ был. Мой племянник – он врач – смотрел Валида, говорил: поедem в больницу!.. Не захотел!

Аркадий глядел на старика... Похоже, это было правдой.

Скрывать они могут все, но придумывать детали, присочинять племянника-врача! Вряд ли... Тогда что же получается, друзья мои? Если врач в прошлую среду смотрел пациента у того дома... а смерть старой девушки наступила... та-а-к... минус четыре дня... вот и выходит, что врач осматривал Валида в то время, как наверху мучительно умирала дочь!

Ну что ж, это вполне свежая музыкальная мысль, Станислав Борисыч, дорогой...

Он вспомнил, как, выкатив бычьи глаза и хватаясь за сердце, Валид швырял на пол бланк на вскрытие и кричал: «Не делай мне этого, Аркады!!! Ты не сделаешь мне этого!!!» Да, мучительно то, что семья не чужая... И, похоже, у отца действительно с сердцем нехорошо.

Сейчас же снарядить Варду проверить наличие племянника-врача, и главное – сроки, сроки!

Он поднялся, выложил на прилавок мелочь, попросил банку апельсинового сока. Не стоило бы, конечно, покупать эту шипучую дрянь, опять вечером изжога замучит.

И вышел...

В небе все уплотнялся туман. В ясную погоду Цфат отсюда казался белым гнездом на своей горе. А сейчас только серая мгла неслась и неслась по хребтам темных гор. Значит, там, на верхотуре, и вовсе ни зги не видать.

Он набрал на мобильнике номер Варды и сказал:

– Буду минут через двадцать. Пусть привезут этого, младшего... Салаха.

2

Бесшумно отворив дверь, он вошел в квартиру и в темноте, не снимая куртки, на цыпочках двинулся в кухню. Здесь было чуть светлее: фонарь за окном вяло тянулся ощупать хотя бы несколько метров палисадника. Ломоть сырого света упал заодно на аптечную тумбочку у стены.

Забавно шарить по шкафам в собственной кухне, как ночной вор...

Он протянул руку вглубь верхней полки, где должна бы стоять банка с содой, дутым рукавом куртки задел какие-то бутылочки, потащил на себя и... черт!!! Звон разбитого стекла в тишине спящего дома грохнул, как взрыв снаряда на полигоне.

Ну вот... Все потому, что света не зажег, будить не хотел... забо-о-о-тливый! Теперь уж давай, мудила, включай свет, раздевайся и подметаай осколки с содой заодно. И мучайся до утра этой проклятой изжогой! Впрочем, до утра осталось часа два...

Он подметал и спиной чувствовал, что Надежда стоит в дверях. Но не оборачивался, давая ей минутку для *нормализации* настроения.

– О-о-ос-с-спади... – услышал привычное, заспанным го-

лосом. – Который час, а? Будет у меня хоть одна спокойная ночь? Ну что ты колобродишь – опять изжога?

Вдруг у него благодарно стиснуло горло: помнит вот о его изжоге, ласточка моя!

– Надя... – выговорил он и сел на стул, спиной к ней, с венником в руках.

Она подошла, обхватила его голову и прижала к своей мягкой груди, обеими ладонями быстро оглаживая лоб, щеки, горло... что-то приговаривая и чуть ли не напевая...

У нее были хорошие руки, у Надежды, что-то такое они излучали, даже приезжий экстрасенс из Нижнего Новгорода, что в прошлом году давал здесь, в Доме Культуры, бабам сеансы массового гипноза для похудания, сказал, что она чем-то там обладает.

И минуты через три Аркадий правда немного отмяк, отпустил ядовитый спазм в груди, когда невозможно вздохнуть. Он склонил голову набок и благодарно зажал руку жены между плечом и горящим ухом.

– Вот, соду рассыпал, – сказал виновато. – Изжога такая, Надя, просто... до слез!

– При чем тут сода! – воскликнула она. – Что за тьмутаракань! На вот, возьми «алкагельцер», – и сама налила воду в стакан, стала размешивать в нем таблетку, повторяя сто раз им слышанное – что это нервное, и пищевод тут ни при чем, что при такой работе у всех нормальных людей рано или поздно наступает привыкание, что нормальным людям –

нормальным, понимаешь?! – на восьмой год работы плевать, когда очередной *чуцмек замочит свою чуцмечку*... А у него с привыканием – никак, и никакие таблетки не помогут – помнишь, что творилось с тобой в прошлом году, когда были разборки в деревне под Акко, и ублюдки из одной *хамулы* убили трехлетку-малыша из другой *хамулы*, а дело ваша группа расследовала, помнишь? Ты тогда спать перестал, и тебя качало от стенки до стенки... Да просто нужно уйти наконец из этой проклятой полиции, сколько можно просить!

Вспомнила она, не удержалась, и его покойную маму, которая настояла, чтобы после третьего курса он оставил консерваторию и поступил на юридический. Кусок хлеба, видишь ли, ее заботил. Хорош кусок хлеба, поперек горла у всей семьи торчит! И вот вам, пожалуйста, результат – он скоро в психушку попадет! Так хоть бы сидел в нормальной конторе, завещания писал и страховки выигрывал – нет, полез в самое пекло, в самое это зверство криминальное!

Через полчаса они все же легли, хотя будильник скоро должен был подать свой мерзкий голосок...

Спать Аркадию совсем не хотелось, и он, минуя часы изнурительного допроса, который и передать-то на словах невозможно – Надя, это как симфонию Малера объяснять потактово! – стал рассказывать ей с момента, когда Салах, младшенький, любимец и выкормыш умершей сестры, – как

он держался, Надя, все эти часы, какая выдержка, воля! – перед внезапно выкинутой на стол фотографией мертвой Джамили побелел, осунулся и затих. Только желвак под глазом вибрировал и бился.

И в наступившей тишине Аркадий сказал ему:

– Ну... Будь мужчиной!

Тот кулак на стол уронил тяжело, как крышку погреба, где покойника прячут, и глухо выговорил:

– Надоело... Пиши!

...Вот как оно было, дело-то, Надя. Эта его сестра полюбила солдатику и стала с ним встречаться... Солдат моложе ее лет на пятнадцать, на такой брак отец никогда не дал бы разрешения. А просто встречаться – невозможно, смертельно опасно, родственники приговорили бы немедленно... Она выходила из дому ночью, в мужской одежде, на лицо натягивала черный лоскут.

– С ума сойти... Средневековье какое-то! Маскарад.

Ну и по деревне поползли слухи, кто-то видел незнакомца в черной маске. Наконец, однажды ночью с ней столкнулся ее собственный дядя. Навалился, сорвал с лица лоскут, узнал племянницу, обомлел... плюнул ей в лицо и напрямик к Валиду. Все доложил. В этот день Джамиле был подписан смертный приговор. С этого дня она прожила еще три недели.

– Средневековье! – повторила в сердцах Надежда.

Приподнявшись на локте, она всматривалась в лицо мужа. Страдала за него... Тот лежал навзничь и, прикрыв локтем глаза от света прикроватной лампы, вполне задушевно, но все равно слишком яркого сейчас, рассказывал монотонным, охрипшим за ночь голосом, еле шевеля губами. Временами казалось, что он засыпал, голос переходил в бормотание, но Надя не хотела его тормозить, понимала, что это он так *отходит*...

– Дядя, видимо, не удержался, рассказал все жене, хотя Валид просил покрыть это землей... Та – насплетничала своим сестрам, и пошло-поехало... Слухи разрастались. И в одно прекрасное утро...

...Самое интересное, что он абсолютно ясно представлял себе это и вправду прекрасное утро, одно из тех, когда природа Галилеи чутко отзывается на первое, еще февральское, слабое тепло, а красную мякоть земли чуть ли не за ночь прошивает мгновенная трава пронзительно зеленого, почти истеричного цвета – из-за густой россыпи стронцианово-желтой сурепки.

Этим утром Салах вошел к старшей сестре и сказал:

– Я не могу больше смотреть в лицо позору. Один из нас двоих должен умереть.

Джамиля привалилась спиной к стене, как будто он толкнул ее. Закрыла глаза.

Они стояли друг против друга в той комнате, где сейчас

жили обе сестры, где прежде болела и умирала мать. И где после ее смерти Джамиля купала маленького Салаха, потому что комната была солнечной и теплой.

– Я, – сказала она. На меловом лице мгновенно зачернились густые мужские брови. – Я умру.

– Как ты это сделаешь?

Он стоял перед ней, высокий сильный мужчина, под глазом дергался желвак, вернее, небольшой шрам: трехлетним, стоя на лестнице, Салах обернулся на зов сестры и упал, глаз чудом остался цел. Она таскала его на спине лет до пяти и помнила теплые выемки под острыми коленками, когда, останавливаясь среди игры, подкидывала его повыше, поудобнее.

– Как ты это сделаешь? – настойчиво повторил он.

– Приму таблетки... – прошептала она.

– Даю тебе два часа, – бросил он. – Через два часа я должен увидеть тебя мертвой!

Вышел, сел в полицейский джип и весь отпущенный ей на казнь срок разъезжал по деревне, остервенело крутя руль, распугивая кур и собак.

Спустя два часа он въехал во двор своего дома. Выйдя из джипа, окинул взглядом все вокруг и увидел, как из колодца посреди двора высунулась судорожно растопыренная рука, потом другая... уцепились за каменный край; показалась мокрая голова сестры: глаза выпучены, губы трясутся...

Несколько мгновений они смотрели друг на друга – он

и это ужасное, изжелта-бледное лицо со жгучей красной полосой на шее.

Он кинулся к сестре, подбежал, обхватил подмышки, помогая вылезти.

– Что же делать, что делать... – бормотала она, повиснув на нем и плача взахлеб, как ребенок. – Проглотила двадцать таблеток «вабена» – меня вырвало... Пошла вешаться в подвал – веревка оборвалась... В колодце – там мелко, ушиблась только. Что мне сделать? Скажи – что-о? Ну, убей меня ты, убей меня!..

– Пойдем, – сказал он и потащил ее в подвал, где в ряду у стены стояли мешки с удобрениями, те, на которых нарисованы череп и скрещенные кости и написано: «Осторожно, яд!»

Она рухнула на один из мешков и, облепленная мокрым платьем, сидела, бессмысленно глядя перед собой. С волос стекала вода, лицо посинело от холода, нос торчал, как из чужого лица. Из ноздрей медленно ползли два мутных ручейка.

Салах снял с полки большую мерную кружку, зачерпнул из открытого мешка кристаллический порошок, налил воды из крана, развел.

– Пей! – приказал. Стоял над сестрой и смотрел, как, давясь, она глотает смертельное пойло.

Ее мгновенно вырвало.

Тогда он опять развел в воде химикалии и снова велел:

– Пей!

Выпила, выпрямилась... Качнулась... Медленно стала подниматься по ступеням из глубины подвала... Но на пороге свалилась ничком.

Салах кликнул вторую сестру, та примчалась – вмиг все поняла, завизжала! – но когда он ударил ее наотмашь по лицу, умолкла и стала очень оживленно ему помогать, сверкая алой щекой.

Вместе они заволокли Джамилю наверх, раздели, вытерли насухо полотенцем, натянули зеленый свитер с высоким воротом, чтобы закрыть след от веревки, и уложили в постель...

– И четверо суток та молча умирала в страшных мучениях... – пробормотал Аркадий. – В страшных мучениях... Так, что сердце разорвалось.

Минут на пятнадцать перед рассветом он все же уснул – вернее, ему показалось, что уснул: на повороте сумеречной деревенской улицы мелькнул солдатик и скрылся за углом стеклянной забегаловки в парах тумана... Ах да, солдат... А при чем тут солдат? До него никому и дела нет...

Когда застрекотал будильник, он по-прежнему лежал на спине, закрывая локтем глаза.

День, как и всегда, начался с селекторного совещания. Аркадий слушал голоса, узнавая всех до того, как назовутся.

– Акко, привет!

– Здорово, Кармиэль, что у вас?

– У нас за ночь... (две ложки сахара, о'кей?) – за ночь разбили витрину лавки на улице Герцля, унесли так, по мелочи – скорее всего, подростки балуют... И на дискотеке в драке ранен парень... А так вроде ничего...

– Доброе утро, Рош-Пина, Рош-Пина... у нас вот история. Помните, бродяга в декабре замерз в рощице недалеко от заправки...

Он слушал голоса... отмечал в блокноте, что произошло за ночь в Галилее, одновременно пытаясь принять и утрясти собственную утреннюю новость, не то чтобы оглушительную, но: за час до начала следственного эксперимента Салах отозвал свое признание в убийстве сестры, заявив, что показания дал под давлением следствия, на самом деле ни в чем не виноват – Джамиля покончила с собой по собственной воле, ради семейной чести, не в силах пережить позора.

Ну что ж. Он может так искренне считать, этот бравый полицейский. Ведь он только *помог ей умереть*, как она и просила. Если б не эта его бледность при виде истерзанного страданием лица мертвой сестры...

– Цфат! Что у вас, почему молчим? Алё, орлы! Вы там в спячку не впали в своем тумане?

Он прокашлялся. И заговорил быстро и спокойно...

Потом Аркадий провел рутинное заседание. Писал рекомендации по делам, распределял их между все теми же *орлами* – предпенсионной Вардой и Йони, который и так все ночи не спит над своими пятимесячными близнецами... После обеда – не пообедав – выехал в прокуратуру, для освежения памяти по делу, которое расследовалось год назад. Затем, уже под вечер, поехал посмотреть, что записалось на диски камеры слежения...

Время от времени перед глазами возникал пульсирующий на лице Салаха шрам, и тяжелый молот кулака, вбок откинутый на стол: «Пиши»!

Вот и все. Я не имею большие права держать его за решеткой. Никто не продлит ордера на арест, никто... Ты проиграл, старичок, это бывает, в том смысле, что Запад есть Запад, а допрос есть всего лишь допрос, как бы тебе ни хотелось вывернуть ему кишки наизнанку, дабы он понял, как умирала сестра. Ладно, смирись... Все равно дело передадут в Минюст, люди там серьезные... кто знает, может быть...

Уже поздно вечером, дома, отказавшись от ужина, Арка-

дий обнаружил, что сегодня вовсе не ел. И, что интересно, совсем не хочется.

Изжога была тут как тут, паяльником выжигала черный узор где-то под горлом...

Но ты лишь отдаленно представляешь, что испытывала перед смертью старая девушка...

Он отыскал в аптечке и торопливо развел в воде таблетку «алказельцера», чтобы Надежда не видела – а то прицепится с расспросами. Пошел прилечь на минутку в спальне, как был – в одежде.

Сюда доносилась смешная и трогательная музыка французского композитора Космы – жена и дочь смотрели старую комедию с Пьером Ришаром. В темноте вялая рука Аркадия наткнулась на обложку книги, что валялась на покрывале. Он потянулся, включил настольную лампу и обнаружил все ту же глянцевую чернуху, которую Юлька никак не могла одолеть. Опять она, паршивка, пластает книгу! Щурясь в полутьме, он машинально побежал по странице воспаленным взглядом: «Во Франции преследования ведьм начались очень рано. Один из иезуитов того времени пишет в 1594 году: «Наши тюрьмы переполнены ведьмами и колдунами. Не проходит дня, чтобы наши судьи не запачкали своих рук в их крови...»».

Отчаянная злоба вдруг перехватила Аркадию горло. Он размахнулся и с остервенением шарахнул книженцией

об пол.

Да что это ты – спятил? Что тебе далась именно эта средневековая казнь несчастной старой девы?.. У тебя подобных дел – вагон и тележка. Вон, в пятницу в лесочке под Акко опять нашли обгорелый женский труп в машине... Очередное «восстановление семейной чести». Они так веками жили и жить будут еще сто веков именно так. Ты их перевоспитать намерен? Но откуда ты знаешь, несчастный запад-есть-запад, что на их месте и в их шкуре не стал бы убивать свою Надежду, или вон Юльку, за то, что книги не бережет?

Но ни о чем договориться с собой не мог. Все представлял, как младшая, хорошенькая, злодейка, четверо суток ходила мимо кровати сестры туда-сюда, туда-сюда... Глазки-ходики... Подавала кофе доктору, лечившему отца. И все это время дожидалась освобождения – приметливая, хищная, оживленная, омытая предвкушением новой жизни. Злодейка!.. Вероятно, к ней уже сватались.

Когда Надя, нахохотавшись с Юлькой над голой задницей Пьера Ришара, вошла в спальню – сменить халат на пижаму и лечь, она нашла мужа на кровати одетым, пунцовым от жара, с дурными полуприкрытыми глазами. Он бормотал, то ли во сне, то ли в бреду...

– Арка, ты что, заболел? – тревожно спросила она, склонясь над ним.

Он скрипнул зубами и отчетливо произнес:

– Злодейка!

Отвалявшись дней пять с ядреным гриппом, каким не болел с третьего класса, с тех пор как по миру лютовал знаменитый гонконгский вирус, он получил повестку на резервистские сборы и, как всегда, не то чтобы обрадовался — но ощутил легкое каникулярное волнение. Хотя род войск — танковых, — в которых он дослужился до командира взвода, на санаторий никак не тянул.

В прошлом году учения проходили в Эльякиме — тут, неподалеку от дома. Жили в палатках, спали прямо на танках часа по три-четыре, уставали, как последние собаки, но — странное дело! — домой он всегда возвращался именно как после каникул — загорелым, успокоенным и чертовски влюбленным в Надежду.

Утром Аркадий явился в часть, отоварился формой и автоматом «Галиль», а часа через полтора обедал в Эльякиме...

Уже расцветали наперегонки плодовые деревья, там и тут вспархивал белый выдох миндаля. На обрывистом склоне, где паслось стадо пятнистых шоколадно-белых коз, выбивалась из-под травы пурпурная изнанка сырой земли. Травянистые, с проплешинами черного базальта, холмы после череды дождей будто кто желтком обмазал: островки дрока,

озерца желтой каши... В этих обширных яичницах рассыпью красного перца выглядывали маки.

Влажный ветер нес отовсюду терпкие запахи новорожденной травы – чабреца, мяты, базилика, и вся тревожная эта благодать сливалась с запахами еды из большой шатровой палатки, где размещалась столовая.

В прозрачном воздухе дальние гряды гор сложились одна за другой с такой графической четкостью линий, словно туман предыдущих дней был всего только чистящей пастой, которой некая усердная хозяйка надраивала небо, горы, дороги, дома; и вот грязные остатки вчера смыты обильным дождем, а сегодня, куда ни глянь, все вокруг сверкает новенькими боками.

Аркадий закинул голову к небу и минут пять следил, как по свежему густому слою голубой эмали за еле видимым самолетом-стрекозкой тянется рыхлая лента...

Когда же опустил голову, смаргивая солнечную синеву, – первым, кого увидели омытые глаза, был его подследственный Салах. Стоял неподалеку, возле соседней палатки – в форме, с тем же «Галилем» в руке, угрюмо-насмешливо глядел на следователя...

Ну да, спохватился Аркадий, он же упоминал на допросах, что год назад освободился из армии и служил в танковых частях...

Несколько мгновений Аркадий смотрел в щели сощуренных зеленых глаз, отвернулся и вошел в свою палатку.

Минут через десять его вызвали к командиру, в щитовой домик на сваях. Тот сидел за столом и меланхолично хрустел галетой из сухого пайка.

– Аркады... сядь... – С минуту молчал, внимательно рассматривая на свет пластиковую баночку с тхиной. – Слушай... – наконец, сказал он. – Что, этот Салах... он правда твой подследственный?

Аркадий отвернулся к окну – там на сияющей глади ультрамарина все еще истаивало остатнее перышко от истребителя. А может, это вновь уже наплывали облака?

– Да, – ответил. – А что?

– А то, что он сейчас явился ко мне и сказал, что за себя не ручается... Мол, сам понимаешь, оружие в руках... Тот еще тип... Что думаешь?

– А что я должен думать? – вспыхнул Аркадий.

Командир вскрыл баночку, поддел ножом немного тхины, взял на язык, прислушался к себе.

– Почему мне всегда кажется, что она у них тут скисшая? – задумчиво произнес он. – Я понимаю, мамину тхину мне здесь не дадут, но, по крайней мере, может она быть свежей?!

Он вздохнул, отложил нож и баночку, поднялся из-за стола и стал рыться в картонном ящике в углу, наклонившись и шумно дыша...

За последние годы Габи отрастил себе приличный животик. Когда-то они с Аркадием пропахали бок о бок две тя-

желые операции в Ливане, но после армии Габи подписался на сверхсрочную, закончил офицерские курсы и вот дослужился до майора.

– Я, знаешь, – пробурчал он, не оборачиваясь и продолжая шуршать оберточной бумагой, – пожалуй, отпущу вас обоих от греха подальше с глаз долой, *кебенимат...* Так оно будет спокойней.

– Как? – Аркадий оторопел. – Когда?

Габи выпрямился, на побагровевшем лице его крупными выпуклыми белками светились серые глаза, такие же, какими были в молодости, лет пятнадцать назад.

– А прямо сейчас, – сказал он. – Вон, Шломи через полчаса едет на базу. Он тебя подбросит. Сдай оружие и форму... А того *маньяка* я уже отпустил...

Автобус на Цфат надо было ждать еще минут сорок. Они и ждали, оба: следователь и подследственный. Сидели на деревянных скамьях друг против друга, с одинаковыми банками пива «Гольдстар» в руках, одинаково подобрав под скамью ноги. Кажется, и джинсы у них были одинаковыми...

Центральная автостанция крутила свою колготливую карусель, изливалась с каждого лотка руладами восточных песен, торговала, вопила, выгадывала, обманывала, предлагала шепотом травку, гремела медяками в кружках, прижимистым грозила вслед божьим наказанием...

Низота города, наш контингент...

Как и во многих странах, общественным транспортом здесь пользовались не самые обеспеченные слои населения.

За те пару часов, пока оба они сдавали в части форму и оружие, пока добирались – каждый как придется – до автостанции в Хайфе, погода опять стала портиться. Видать, бесконечный этот февральский туман еще недобрал своего. Небо вскоре затянуло серым, и темная масса все сгущалась и грузла, будто наверху шли какие-то строительные работы по засыпке земли...

Они сидели и посматривали друг на друга. Салах, внешне спокойный, раскованный, явно был удовлетворен тем, как обернулось дело. Поднося ко рту банку с пивом и закидывая голову для глотка, из-под прикрытых век он внимательно и даже чуть улыбаясь глядел на следователя. И невозможно подняться, уйти, переждать где-то время до прибытия автобуса.

А главное, невозможно объяснить всем тем, кто не отсюда, почему это никак невозможно! Почему свое унижающее значение имеет и банка пива в руке, и то, как Салах закидывает голову, и как посматривает... Просто здесь, уважаемый запад-есть-запад, надо прожить всего-навсего полжизни, чтобы различать хотя бы азы этого непроизносимого языка взглядов, жестов и знаков.

После пива перед дорогой хотелось отлить, но и тут Аркадий дождался, пока первым не выдержит Салах, и направился следом. Так и стояли оба над писсуарами неподалеку друг от друга...

Тот и в автобусе устроился неподалеку, позади, и Аркадий заставил себя ни разу не обернуться, затылком чувствуя тяжелый отравный взгляд.

Вышел Салах у своей деревни. Валко прошел по салону до передней двери и, выходя, неторопливо шатнулся на ступенях, как бы невзначай, полоснул узким взглядом по лицу следователя, усмехнулся... И снова Аркадий заставил себя две-три бесконечные секунды смотреть прямо в эти травянистые глаза.

Вот и все... Что тут сделаешь? Тем не менее, он вновь и вновь неотвязно перебирал варианты, при которых смог бы доказать вину Салаха. Почему, собственно, только его вину? А что отец, что сестра-гиена, молчаливо стерегущая последний вздох той, *другой*, со следами ржавой смерти на шее? Ну, тогда, сказал он себе, треть здешнего населения должна сидеть по тюрьмам... Оставь их, оставь, простонал он беззвучным голосом Надежды, они так веками жили. Пожалей свою душу, изжаренную на сковородке постоянной изжоги!

Выйдя в Цфате на конечной, он выдохнул облачко пара

и огляделся.

По ступеням автобуса следом за ним сошли трое молодых хасидов — все высокие, тонкие, в черных плащах и черных шляпах с тульями на манер цилиндров. В руках у каждого зачехленный черный зонт с полукруглой ручкой. Двое опирались на них, как на трости.

Негромко переговариваясь по-английски, молодые люди осмотрелись и двинули вверх по дорожке, огибавшей неказистую коробку автобусной станции, — там рассекала молодой лесок гористая улица. И те несколько мгновений, пока восходили цепочкой в дымно-синие, опаловые облака, они — отстраненные и посторонние здесь — напоминали какой-то рисунок Домье.

Последними в седое озерцо тумана канули шляпы.

И эти чужие мне... Все друг другу чужие в здеишем туманном мире...

Хотелось выпить.

Честно говоря, хотелось напиться.

Он нечасто прибегал к этому сильнодействующему лекарству от безысходной ярости. Ну и ладно. Вот и правильно... Благо, Надежда думает, что он сейчас где-нибудь на стрельбах, присмотренный и утепленный.

Он взял такси до центра...

И здесь хозяйничал туман; горы черной волной замкнули

город, самым высоким гребнем, горой Мерон, грозя захлестнуть и понести во вселенную весь этот жалкий сор человеческого обитания: дома под черепичными и плоскими крышами, с прутьями ржавой арматуры и тарелками спутниковой связи; обломки каменных стен и заборов, лавки, задраенные рифлеными жалюзи, машины, велосипеды...

На выходящей под гору улице Монтефиори мутными нimbami светились фонари. В фиолетовой мгле едва угадывался минарет бывшей мечети с игрушечным балкончиком, что опоясывал конус.

Аркадий расплатился с водителем, прошел через арку и по ступеням спустился в большой, мощный плитами внутренний двор здания Постоянной художественной экспозиции. Сюда выходили двери галерей и разных питейных нор, побольше, поменьше. Сейчас здесь был открыт единственный бар, где он заказал выпивку и орешков – много выпивки и вдоволь орешков. И засел, обстоятельно накачиваясь коньяком и сквозь стеклянную стену наблюдая за редкими фигурами, пересекающими вброд колодец двора. Попадая в гущу облака, прохожий на миг растерянno замирал, словно выsmатривая надежную кочку среди болота, и неуверенно пускался как бы вплавь, произвольно разводя руками.

Все обитатели этого города зимой превращались в сомнамбул.

Что ж, надо идти домой. Попросить бармена вызвать такси...

Не набрался ли ты, как последняя свинья, дружище оплеванный?

– Приятель, – спросил бармен, вытирая стойку и выстраивая шеренгой высокие бокалы темно-красного стекла, отчего те напомнили тонких юных хасидов в тумане, – ты как, в порядке?

– Я в полном порядке! – четко проговорил Аркадий, подняв ладонь.

– Вижу, – заметил тот. Он был, что называется, упитанным – уютный такой, хлопотливый, ни на минуту не присаживался, хотя, кроме Аркадия, в эту паршивую погоду в баре не было ни души. – А ты на всю ночь зарядился? Мы, знаешь, вообще-то до часу только открыты... Так что ты сиди еще полчаса на здоровье.

– Не волнуйся, – сказал Аркадий. – Со мной проблем не будет.

– Боже упаси! – воскликнул толстяк. – У меня и в мыслях не было... А если захочешь, я тебе такое местечко покажу – будешь век меня вспоминать.

Аркадий тепло и насмешливо улыбнулся:

– И какое такое новое местечко ты мне в нашей деревне собираешься показать?

– Увидишь, – отозвался тот и еще минут двадцать возился над стойкой, полируя ее каким-то средством из бутылки, складывая посуду в нижние ящики, щелкая кассой и позвя-

кивая ключами.

Наконец, снял фирменную куртку заведения, надел поверх свитера длинный плащ и превратился в элегантного горожанина средних лет.

– Пойдем, – сказал он и отворил стеклянную дверь наружу, в туман, после чего минут десять терпеливо запирал упрямый замок, не проронив ни единого бранного слова по его адресу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.